

Премьера - 16 окт. 1971. Источники - "Советская
Мордовия", 1971, 14/10

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

ТЕАТР

Такие тихие, говорит старшина Васков, что «аж за пять верст все будет слышно». Только он ошибся, этот хороший человек. Не за пять верст, а вот уже почти за тридцать лет всей земле слышен подвиг нашего народа, спасшего мир от фашизма. Чем дальше уносит история то время, чем яснее осознают люди значение победы, тем пристальнее стремится искусство рассмотреть глубины характеров народных, души народной. Вматривается, чтобы понять. Вматривается, чтобы рассказать, чтобы «в них (это в нас) от наших страданий зачнется большая душа», — говорят герои тех лет.

Театр назвал этот спектакль повестью. И начинает ее в народной повествовательной манере, где терпкий запах сурового быта и лирические взлеты, поэзия и проза — две руки, два крыла, несущих правду. Да, это повесть о том, как служили девушки-добровольцы в зенитно-пулеметном отряде, как пятеро из них со старшиной Васковым отправились в погоню за двумя немецкими диверсантами, а натолкнулись на шестнадцать...

Принял бой старшина. Приняли бой зенитчицы. Театр рассказывает об этом с трепетным чувством, поэтически-обобщенно, так говорит народ в какой-нибудь «Повести о нашествии...», говорит о событиях исторических и величественных. Рождается на наших глазах легенда в смысле самом высоком, суровая в правде, почти нестерпимая в накале горя, чтобы понять, за что умрели. Здесь все значительно и укрупнено — не только и не столько характеры, сколько смысл происходящего. Ведь с врагом встретились лицом к лицу обыкновенные девушки, которым бы плести и плести бесперывную нить жизни, одаривая землю сынами и дочерьми, чтобы те тоже нарожали ребятешек. И так без конца...

А военная судьба поставила их вместе. Они совсем разные. У каждой из них жизнь только-только начиналась. У каждой — своя. Незатейливая, обыкновенная, но своя. Галя Четвертак еще даже и не успела ощутить аромат полнокровного бытия. Но это только подчеркивает великое право жизни на жизнь. Судьба Соны Гурвич, едва ступившей на порог первого чувства, судьба Лизы Бричкиной, совравшейся из глухомани в техникум с «общажитием», Риты Осяниной,

жены командира-пограничника, матери, судьба Жени Комельковой, чудом уцелевшей от расстрела — какие это ослепительно трагические судьбы, опаленные войной. Но это и счет войне, который предъявляют обыкновенные и такие незащищенные «товарищи бойцы», будущие матери, жены. Это счет самой жизни. Он восстает против смерти, восстает, и, жесточайшей ценой оплачивая каждый шаг к победе, идет к ней. Идет, потому что нет ей перевода на земле. Идут девушки на убийственно опасное дело и делают его, может быть, не по уставу, зато по справедливости.

Спектакль, выбирая трагическую силу, воспекает естественность подвига. Свообразие характеров отступает и служит неким фоном, на котором разыгрывается главная. Для каждой из девушек любовь к Родине естественна как дыхание, необходимость с этой вот землей, этим вот лесом, где зори тихие, с тем образом жизни, который они воспринимают тоже как самое естественное свое бытие, неотъемлемое как небо, как солнце.

Такая любовь не созерцательная, а деятельная. Она требует действия, и в нем проявляется, в нем и формируется, в нем и существует. Пусть Соны Гурвич (актриса З. Павлова) живет, словно заколдованная, стихами Блока, мгновение — и с суровым азартом Соны лунит по «месерам», ведет свой бой. Просто бой. А оказывается, что она утверждает свое право строить жизнь так, как ей это кажется красивым и счастливым. Пусть Гале Четвертак (М. Кедринна) кажется, что ее жизнь еще неинтересна по сравнению с жизнью подружек, пусть она ведет свой бой пока только как член коллектива. Но это тоже бой за право жить так, как ей хочется. И милая толстуха Лиза Бричкина в исполнении Е. Федяевой, и сорвиголова Комелькова (Л. Денисовой), и степенная чуткая Осянина, которую играет Н. Чупрова, — как все они становятся дорогим нам...

Они гибнут одна за другой... Гибнут, как обрывается песня, — на полуслове, гибнут, не успев сделать, как им кажется, ничего значительного, а на самом деле успев сделать самое главное — победить. Побе-

дть и как солдаты и как люди нового общества, нового мира.

А за всех в ответе — старшина Васков. Это характер глубоко народного. Неважно, что нет у старшины не то что высшего, даже среднего образования. У него есть самое высокое образование человека — понимание людей. Понимать людей — это и значит любить их. И «вообще» и вот этих зенитчиц, с которыми судьба свела его так, что уж и не старшина он им стал, а брат. Артист Г. Мелехин рисует этого человека эпически спокойно, в добрых традициях все той же народной повести! И улыбнется над промахом своего героя и не боится этого. Он и рассказывает об удивительной душе этого обыкновенного человека, способного вместить в себе понимание того, что есть женщина на земле, и что ей — матерью быть, что фашисты «не люди, не звери даже, а фашисты».

Потрясенный гибелью своих бойцов-дочек, старшина дает десанту последний победный бой со страшной яростью, ибо разбужена она в добром и сильном человеке. И будет он «бить фашистов до тех пор, пока вспомнят, что они — люди».

Спектаклем «А зори здесь тихие...» театр драмы открыл сороковой свой сезон. Это многозначительное начало. Главный режиссер театра заслуженный деятель искусств МАССР В. Долгов много лет ведет напряженный поиск театральности современной, отвечающей духу времени, нашему умению воспринимать искусство. И новая его работа — очень заметное достижение в этом направлении. Постановщик, например, не отказывался от лирико-повествовательной интонации, свойственной повести Б. Васильева. Он сумел именно в этом ключе найти обоб-

щенный образ неистребимости жизни.

Режиссер внимателен к деталям быта, но ровно настолько, сколько необходимо для обозначения места и времени действия. А дух трагедии рождается как метафора, как открытие. Это опять-таки в духе народной Повести. Предания. Не скорбного народного плача, а возвышающего предания, мощь которого в понимании бессмертия народа. Омерзительным символом винтиков страшной военной машины предстали в спектакле фашисты.

Трогательны березки, «от которых светло на Руси». Их пять появляются на сцене, когда создан маленький отряд и отправляется преследовать диверсантов. И каждый раз тихо взмывает вверх, словно расторяясь в заре, березка, когда гибнут Соны, Галя, Лиза, Женя. Цепляющей болью отзываясь в сердце одна единственная березка, оставшаяся у изголовья смертельно раненой Риты. Олицетворением неистребимости жизни, красоты, поэзии приходит снова пять березок в финале, когда мы видим всех девушек в свадебных платьях.

Ушедшая жизнь возвращается к нам как бессмертие поэтического предания, в котором оживают мертвые, чтобы уже никогда не уйти из жизни. Еще одно достоинство этого спектакля в том, что театр позвал зрителя в дорогу познания, одарив умением воспринимать метафору, театральность, одарив поэтическим видением. Теперь и мы вместе с режиссером, актерами властно остановить время и поселить в сердцах наших героев. Помните? «Жизнь коротка, искусство вечно».

Н. ШИБАКОВ.

На снимке: сцена из спектакля.

Советская Мордовия
г. Саранск

24 ОКТ 1971